

Научная статья
УДК 821.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-281-285

О САТИРИЧЕСКОМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВАН МЭНА

© Шулунова Евгения Константиновна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН,
Российский государственный гуманитарный университет
wardis@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает комическое в литературном творчестве Ван Мэна, концепцию писателя. Юмор, сатира, к которым обращается литератор, также служат ему для выявления того что мешает развитию, улучшению общества. Ведь он активный общественный деятель. Рассматривая разные проблемы, с которыми сталкивается современное общество, писатель предостерегает людей от принятия поспешных решений, критикует необдуманные перемены, указывает на нелепость, которая может превратиться в абсурд, смягчая восприятия вопросов современной действительности смехом, комизмом.

Ключевые слова: Ван Мэн, юмор, сатира, чэньюй.

ABOUT THE SATIRICAL IN WANG MENG'S LITERATURE

© Evgenia K. Shulunova
Candidate of Sciences (Philology),
The Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities
wardis@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the comic in Wang Meng's work, the concept of the writer. the concept of the writer. The humor, the satire, to which the writer refers, also serve him to identify what hinders the development and improvement of society. After all, he is an active public figure. Considering various problems faced by modern society, the writer warns people against making hasty decisions, criticizes thoughtless changes, points out the absurdity that can turn into absurdity, softening the perception of issues of modern reality with laughter, comic.

Keywords: Wang Meng, humor, satire, phraseological units.

Писатель Ван Мэн — не только автор повестей и романов, публицистических произведений, но и мастер юмористических притч. Здесь он смотрит на жизнь, изучая каждую отдельный знак, точку. Художник считает, что современной китайской литературе не хватает "прозы одного кадра, одного куска, одного чувства одного высказывания, одного ракурса, из одного возгласа тоже можно построить рассказ" [1, с 135]. Ван Мэн находит в пространстве такую точку и пытается воплотить в ней все пространство [1]. Так, в рассказах-

миниатюрах сюжет строится именно таким образом, когда точка-предмет представляется сжатой пружиной, раскручивание последней воплощает в себе и повествование, и наставление.

Автор берет за основу известные китайские идиомы — чэньюи, которые известны не только в интеллектуальной среде, но и популярны в быту. Их постоянно используют журналисты, общественные деятели. Ван Мэну нравится эта краткая форма за ее афористичность, иносказательность, смысловую емкость, способность вмещать разные оттенки значений и скрывать иронический подтекст и сатиру. Чэньюй для Ван Мэна не просто фразеологизм, это некая форма, содержащая в себе глубокое содержание, которая обладает скрытыми возможностями к многостороннему развитию. Писатель, обращаясь к чэньюю, изучает не традиционный смысл его, а создает новый, исследует иную грань, знакомя читателя с неожиданным прочтением.

Источником чэньюя является древняя притча. В различных философских, художественных произведениях авторы часто обращаются к притчам, и собственно к фразеологизмам. Использование древних притч — традиционный прием в китайской литературе. Традиционные сюжеты превращались в источник разных высказываний, и на их основе возникло нечто новое. Ван Мэн обращает внимание читателя на своей симпатии, привязанности к традиционности. В заглавии первого сборника "Чэньюи в новой редакции" 成语新编 писатель подчеркивает свою непосредственную связь с сборником рассказов Лу Синя "Старые легенды в новой редакции" [2], в котором дается своеобразная расшифровка традиционных китайских мифов и легенд, сопровождаемая сатирой на отсталое отношение к ним как к конфуцианским святыням. Ван Мэн назвал книгу, в которую вошел сборник рассказов "Чэньюи в новой редакции", "Юмор" 幽默小说自选集 [3]. Однако речь здесь не столько идет о юморе, сколько о сатире. Ван Мэн не сочувствует персонажам, все они, как правило, либо люди недалекие, либо хитрецы и лицемеры. В этом также разница с сатирическими сказками Лу Синя, в "Старых легендах в новой редакции", создавалась как сопоставление положительного и отрицательного. Например, в первом рассказе Лу Синя "Починка небосвода" Нюйва воплощает собой животворящую силу, добро, могущество, она огромна, все в ней, облик, деяния носят вселенский масштаб. Изображение богини не лишено доброй улыбки автора, она томится, как барышня, и лишь от полного безделья начинает творить людей. Люди же, точнее изображенные конфуцианцы, представляют полную противоположность ей, они мелки во всем, и в размерах, и в помыслах, и в деяниях. Именно они оказываются объектом сатиры Лу Синя. Симпатии автора также на стороне Моцзы и Юя.

Ван Мэн, как правило, за основу берет древнюю историю, преобразованную во фразеологизм — чэньюй, это, своего рода сжатая притча, история с дидактическим содержанием.

Обычно притчи имеют определенную морализирующую функцию, они поучают, наставляют. Они различаются по способу наставления, одни притчи-чэньюи изначально критически направлены на некоторое явление, например, на глупость, твердолобость, лень, косность. Например, в притче "Как люди по зарубке на палубе меч искали" 刻舟求剑, "Утром — три, вечером — четыре" 朝三

暮四, "Как крестьянин возле дерева зайца ждал" 守株待兔 守株待兔. Другие же притчи, не критикуя отрицательное, описывают нечто идеальное. Например, в произведениях "Высокие горы, текущие воды" 高山流水, "Из трех прохожих один наверняка мой учитель" 三人行, 必有吾师. Имея одну цель — поучение, исправление чего-то отрицательного, притчи дифференцируются способом обращения к двум сторонам: стороне идеальной — как должно быть, стороне отрицательной — то как, не должно быть. Независимо от этого, все эти сюжеты представляют необходимое для сатиры противопоставление. Таким образом, очевидно, что Ван Мэн, избрав материал внутренне склонный к сатире, развивает его, и на данной основе создает новые сатирические плоскости.

У М. М. Бахтина есть следующее определение сатиры: "Сатира — это образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя — в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности — и положительный момент утверждения лучшей действительности" [4]. Ван Мэн создает сатирическое произведение путем отнесения вневременной критики вневременных недостатков, содержащейся в чэньюях к современным реалиям, и тем самым превращая абстрактно критический сюжет в острое сатирическое произведение. Серьезную и смеховую — два вида сатиры, выделяемые М. М. Бахтиным, можем наблюдать у Ван Мэна, так и у китайских классиков, например, у Пу Сундина, Лу Синя. Серьезная сатира изобличает отрицательные явления, вызывая к ним негативные эмоции, неприятие. Смеховая же сатира для выявления негативных моментов применяет юмор. Пу Сунлин, будучи автором сатирических "бицзи сяошо", в "Рассказах Ляо Чжая о чудесах", прибегает к серьезной сатире. "Основная тема — противоречие между жизнью, какая она есть и какой она должна быть с точки зрения автора" [5]. Пу Сунлин обрушивается с критикой на общественные нравы, коррупцию знати, косности экзаменационной системы. У Лу Синя, напротив, преобладает в "Старых легендах в новой редакции" смеховая сатира, юмор. Используя древние легенды, Лу Синь, высмеивает закоснелое представления о конфуцианских святынях. Сталкиваясь с современностью, писатель совершает попытку оживить то, что было изначально. "Переосмысляя прошлое, Лу Синь сталкивал древнюю эпоху с современной, чтобы показать, что ни один образ, ни одно учение не остались неизменными" [2].

Ван Мэн использует притчи как коды, ключи к современным реалиям, при этом не развенчивая чэньюй. Герои притч — вымышленные, не имеют принадлежности к определенной эпохе, времени. Насмешка заключается в современных типах, явлениях. Сюжет притчи — это форма, а вот смысловое внимание, акцент могут меняться. Смех в рассказах ясно уловим, комичны образы глупых пассажиров и крестьянина, картина с тигром и обезьянами, вызывает смех случай с пианистом.

Сюжет притчи или истории, как правило, прост. Очевидно, что суть даже не в нем, как это часто бывает в миниатюрах с философским подтекстом. В этом заключается сложность анализа подобных произведений. Главное в полутонах и обертонах, основная мысль зачастую завуалирована, зашифрована. Причиной сюжетной простоты можно назвать и перенос центра тяжести на саму форму повествования и на язык. В китайской прозе малых форм весьма часто основную роль играют аллюзии, ассоциации и стилистические фигуры. Иногда замысловатые из-за своей иносказательности рассказы Ван Мэна не являются исключением.

Общественно-политическая направленность иронии Ван Мэна выражается в том, что действие рассказов-миниатюр в большинстве случаев связано с действующими реалиями, с современной действительностью. Фабула старой притчи состоит из современных понятий, например, книга рекордов Гиннеса, банки из-под кока-колы, ракеты "Патриоты" и тп., событий недавнего прошлого: Ирано-иракская война, пианист Юй Лаоя горящий из-за рекламы антиперспиранта, Международное общество защиты животных занято проблемами обезьян и тд. Подобные приемы содержат в себе несут в себе гротеск, едкую сатиру на разные стороны современного общества.

Ван Мэн — крупный, серьезный писатель, общественно-политический деятель, бывший министр культуры, думается, что его юмор не может быть бессодержательным, развлекательным. Смех, как это о часто бывает, лишь форма, которая несет в себе сигнал задуматься. И здесь явно проявление традиционности Ван Мэна, поскольку, как отмечает А. Д. Воскресенский "китайский юмор по-китайски прагматичен, это не юмор ради юмора, ради развлечения, он непременно с дидактическим, морализаторским оттенком" [3].

Анализируя структуру рассказов, ясно, что притча является своего рода ядром, из которого произрастают смысловые ветви, особые акценты, политические, философские намеки, сатирические выпады. Фабула традиционной притчи, как правило, заканчивается в середине и развивается дальше в размышлениях автора. Либо рассказчик сразу, обращаясь к притче как к центральному моменту, отталивается от нее и сочиняет сюжет.

Так, достаточно понятный, реалистический сюжет развивается в парадоксально-гротескном ключе. Довольно часто заложенная в чэньюе изначальная нелепость доводится до парадокса, абсурда. Чэньюй раскручивается, разворачивается, обрастая массой деталей. В пределах современной и понятной читателям малой формы рассказа-миниатюры Ван Мэн разворачивает малую форму чэньюя, расширяя его смысловое пространство, углубляя значение.

Абсурдность выписывается писателем с детализированной точностью, заостряются некоторые черты персонажа или его действий, раскрывается их нелепость, в некоторых случаях, даже порой бессмысленность, при этом сохраняется воображаемая серьезность рассказчика. Некоторые произведения заканчиваются, как будто на полуслове, что оставляет повествование открытым, предполагая возможное продолжение событий в будущем, тем более что события уже четко ориентированы на современную действительность. Телевидение снимает передачи про водолазов, нырявших за мечом; расцветают учения о жизнедеятельности крестьянина-стукача, обезьяны начинают заниматься коммерческой деятельностью и тд. Читатель может додумать продолжение абсурдной истории.

Умышленная нарочитая незаконченность некоторых рассказов в который раз выражает общий призыв задуматься над происходящим, уже прошедшим и тем, что может произойти в будущем.

Ван Мэн использует материал, обладающий дидактической направленностью, использует старые сюжеты. Подобного рода намеренно созданное сходство с традиционными сборниками очевидно. Что лишь усиливает комический эффект. Нередко можно наблюдать подражание языку и стилю древних произведений. Этот прием ярко представлен у Лу Синя в "Старых легендах в новой редакции". Ван Мэн показывает персонажей современности, обращая пристальное внимание на "болезни" общества, потому что для него важны судьбы его страны, а смех, сатира не только ради юмора, порицания, а и для смягчения восприятия проблем современной действительности.

Литература

1. Торопцев С. А. Ван Мэн: творческие поиски и находки. Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2. С. 135.
2. Лу Синь. Сатирические сказки. Перевод с кит., предисловие, комментарии Л. Д. Позднеевой. Москва: Худож. лит., 1964.
3. Ван Мэн. Сборник рассказов "Юмор", четырехтомное издание произведений, отобранных автором. Издательство Лицзян, 1995. 王蒙. 小说自选集. 漓江出版社, 1995.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Русские словари, 1996. Т. 5.
5. Фишман О. Л. Три китайских новеллиста 17–18 вв. (Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй). Москва: Наука, 1980.
6. Воскресенский А. Д. Китайские анекдоты и притчи. Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 166.